

в квартире № 27 была возможна встреча Лугина, живущего в мире реальном, старика, приходящего из мира потустороннего, и взаимодействие (игра) этих двух людей. В данной повести число 5 воспринимается как сложение числа 4 и числа 1, что представляет собой символ торжества Духа над материей. В христианской традиции число 5 символизирует принцип движения, искания, динамического равновесия, активности [3]. Число 5 наталкивает читателя на мысль о том, что квартира связана с миром ирреальным, с ним связаны проявления эмоций, желаний, постановка цели игры Лугиным. Его квартира – подчеркнуто замкнутое пространство, отделённое от мира. Интерьер (мебель была расставлена «кругом» стен) свидетельствует не только о замкнутости, но и о бесконечности, цикличности, полноте этого пространства. В цветовой гамме квартиры основным цветом является серый, он воспринимается как символ отгороженности, скрытности. В христианской традиции серый означал телесную смерть и духовное бессмертие.

В повести «Штосс» квартира Лугина – место, где господствует дух. В произведении фантастическое начало как бы отесняется, а затем пронизывает реальный план и становится господствующим.

Литература

1 Пифагорейская теория чисел [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://journal.diastyle.ru/article/27/>. – Дата доступа: 21.04.2014.

2 Эзотерическая символика числа 9 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mar4586.narod.ru/numbers/9.html>. – Дата доступа: 21.04.2014.

3 Эзотерическая символика числа 5 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mar4586.narod.ru/numbers/5.html>. – Дата доступа: 22.04.2014.

К. А. Манько

Навук. кір. В. А. Ляшчынская,

д-р філал. навук, прафесар

СПОСАБЫ ПАЗНАННЯ КОЛЬКАСНАСЦІ, ЦІ ВОБРАЗНЫ СКЛАДНІК КАНЦЭПТУ ‘КОЛЬКАСНАСЦЬ’

Канцэпт як ментальная адзінка рэпрэзентуецца ў мове марфемамі, словамі, словаформамі, фразеалагізмамі, свабоднымі спалучэннямі, граматычнымі катэгорыямі, структурнымі і пазіцыйнымі схемамі сказаў і нават, паводле М. В. Піменавай, «тэкстамі і сукупнасцю тэкстаў» [1, с. 65].

З шматлікіх сродкаў рэалізацыі колькаснага канцэпту намі абраны фразеалагізмы з іх асаблівасцю абазначэння актуальных, штодзённых праяў чалавечага быцця на аснове тыповых вобразных абагульненняў. І менавіта вобразны складнік канцэпту звязаны са спосабам пазнання колькаснасці ўвогуле, у тым ліку і вялікай колькасці.

Аналіз адабраных фразеалагізмаў [2] паказвае, што паняцце вялікай колькасці беларус пазнае праз разнастайныя наіўныя ўяўленні і вобразы. Гэта ёмкасць з яе напаўненнем у вялікай колькасці (як з мяшка; як з рога дастатку; як з рукава; як з рэшата; у кожнай кішэні па жмені; мех з торбай нагаварыць; цэлы воз і інш.), плошча чагосьці вялікага (мора разліўное; на валовай скуры не спішаеш; хоць сцены ў хаце абклеівай) ці адлегласць да далёкага аб’екта (сем вёрст да нябёс і ўсё лесам; да Масквы ракам не пераставіш) і інш. Нярэдка вялікая колькасць вызначаецца праз вобразы ёмкасці ў яе лічбавым абазначэнні (сем карабоў; тры карабы нагаварыць) ці наогул з выкарыстаннем адзінак вымярэння (без меры; не ў меру; канца-краю не відаць;

па <самую> завязку) і інш. Асабліва шырока пазнанне вялікай колькасці перадаецца праз усведамленне чалавекам самога сябе, сваіх адчуванняў, памераў (*валіцца цераз горла; вышэй вушэй; вышэй галавы; з горла лезе; повен рот; па вушы*), у выніку чаго саматызмы выступаюць эталонамі мяжы, вымярэння вялікай колькасці.

Як відаць, вобразны складнік канцэпту 'вялікая колькасць', рэпрэзентаванага звыш 80 адзінкамі, уваходзяць найўняўныя ўяўленні, замацаваныя ў беларускай фразеалогіі, устойлівыя мысліцельныя карцінкі беларусаў, перададзеныя такім чынам ад пакалення да пакалення.

Літаратура

1 Пименова, М. В. Концептуальные исследования: Введение / М. В. Пименова, О. Н. Кондратьева. – М. : Флинта: Наука, 2011. – 176 с.

2 Лепешаў, І. Я. Слоўнік фразеалагізмаў. У 2 т. Т. 1. А-Л / І. Я. Лепешаў. – Мінск: Беларус. Энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2008. – 672 с.; Т. 2. М-Я / І. Я. Лепешаў. – Мінск: Беларус. Энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2008. – 704 с.

Д. А. Молчанова

*Науч. рук. Н. В. Сулова,
канд. филол. наук, доцент*

РОК-ПОЭЗИЯ В КОНТЕКСТЕ ЛИТЕРАТУРЫ ПОСТМОДЕРНИЗМА

В последнее десятилетие XX в. русская рок-поэзия стала объектом внимания не только культурологов и музыковедов, но и предметом литературоведческого исследования. Об этом свидетельствует появление в 1998 году и регулярное издание сборников научных трудов «Русская рок-поэзия: текст и контекст», осуществляемое под эгидой кафедры теории литературы Тверского государственного университета.

Одним из важных вопросов, связанных с осмыслением феномена рок-поэзии, является вопрос о ее взаимоотношениях с искусством постмодернизма. Становление и развитие русской рок-поэзии происходит в пространстве эпохи постмодерн, однако безоговорочно объявлять литературное наследие представителей русского рока явлением постмодернистской природы было бы некорректным. С гораздо большей степенью объективности можно утверждать, что текст рок-поэзии (как и большинство современных художественных текстов) испытывает на себе влияние философии и эстетики постмодернизма, так как именно эта художественная система адекватна картине мира эпохи постсовременности, а также демонстрирует некоторые элементы, характерные для постмодернистской поэтики: отрицание иерархичности, авторитетов, официоза; ироничность, стремление к пародии и самопародии; стремление к гипертекстуальности, фрагментарность и др.

Указанные признаки постмодернистского текста демонстрирует поэтическая составляющая творчества гомельского рок-поэта и музыканта Тараса Монзано. Тексты его песен содержат отсылки к рубаи Омара Хайяма; к романам Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», «Братья Карамазовы»; к произведениям постмодернистской литературы (Виктор Пелевин «Чапаев и Пустота»); к творчеству рок-поэтов (Борис Гребенщиков, Виктор Цой) и др. Изучая рок-тексты Тараса Монзано, можно отметить факт диалога с предшественниками, осуществляемого через цитату, обращение к чужому слову, гипертекстуальность. Все «векторы», которые содержатся в текстах песен Тараса Монзано, имеют прямое значение и все возможные смыслы, что не только иллюстрирует черты постмодернистской традиции, но и традиций русского поэтического слова.